

Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. СПб, 2005. С. 66 – 90.

К.В.Чугунов

Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур

Погребальный комплекс алды-бельской культуры могильника Копто был опубликован практически сразу после раскопок в ежегоднике Евроазиатского отдела Германского археологического института [Чугунов, 1998, с.273-308]. Сравнительная труднодоступность этого издания и то, что памятник издан на немецком языке, безусловно, сильно ограничило использование его материалов российскими специалистами. Однако не эти соображения заставили автора вновь обратиться к этому памятнику. Решающим явилось то, что многие выводы, сделанные в первой публикации и основанные на существовавших тогда представлениях о хронологии раннескифского времени Южной Сибири и Центральной Азии, сейчас могут быть существенно скорректированы, а, в ряде случаев, полностью пересмотрены. Связано это с исследованиями последних лет в области радиоуглеродного датирования, дендрохронологическими разработками, с открытием новых интереснейших комплексов в Туве и соседних регионах. Кроме того, в этой публикации используются антропологические определения, недавно любезно выполненные в Институте археологии и этнографии СО РАН Татьяной Алексеевной Чикишевой. С материалами могильника также работали Р.С.Минасян, опубликовавший статью по технологии изготовления и обработки металлических изделий [Минасян, 2000, с.65 – 69] и С.В.Хаврин, сделавший рентгено-флюоресцентный анализ состава металла некоторых находок. Пользуясь случаем, автор выражает всем им свою глубокую признательность.

Описание комплекса

Центрально-Азиатская экспедиция в 1996 году проводила археологические работы в Каа-Хемском районе Республики Тыва. Исследованный памятник располагался на высокой правобережной террасе р.Копто (правый приток р. Каа-Хем - Малого Енисея), в 24 км от пос. Бояровка (Рис. 1). Археологическая разведка показала, что в этой долине это наиболее удаленный в горы курганный могильник, расположенный уже в зоне горной тайги. Памятники, расположенные здесь, находятся под угрозой разрушения вследствие размыва высокого берега рекой Копто, что и обусловило их исследование. В 1995 году здесь же был раскопан небольшой курган №1, содержащий средневековое захоронение.

До раскопок памятник представлял собой сильно задернованную вытянутую насыпь с тремя небольшими западинами по центральной оси (Рис. 2). Размеры объекта: СВС -

ЮЗЮ - 27,5 м; ЗСЗ - ЮОВ - 9,5 м; высота до 0,8 м. Еще до начала работ предполагалось, что памятник включает несколько слившихся курганов. В процессе расчистки и разборки развала наземных сооружений это предположение подтвердилось. Выяснилось, что объект состоит из трех, последовательно возведенных курганов, каждый из которых перекрывал и частично разрушал более раннее сооружение (Рис.2а). Исследования показали, что все курганы относятся к алды-бельской культуре. Таким образом, на памятнике были получены уникальные данные по относительной хронологии развития погребального обряда этой культуры, основанные на стратиграфических наблюдениях.

Курган 2 - наиболее раннее сооружение (курган 1 - средневековый памятник, исследованный в 1995 году) - располагалось ближе к реке в северной части объекта. Курган имел округлую в плане ограду из обломков скальных пород и «платформу» из речного галечника и мелких камней, выложенную по всей площади древней дневной поверхности сооружения. Поверх «платформы» лежал слой грунта, выкид из могильных ям и слой валунов, облицовывающих наземное сооружение кургана.

На площади кургана исследованы пять погребений, расположенных радиально относительно предполагаемого центра. Однако необходимо учесть, что юго-западная часть ограды и «платформы» разрушена более поздним курганом 3 и, если предположить овалы пропорции первоначального сооружения, то могила 1 могла быть центральным захоронением. На это указывает и сравнительная характеристика параметров могильных ям. В то же время, захоронение здесь было совершено позже устройства могилы 2, так как выкид из его могильной ямы частично перекрывает «платформу» над этим погребением. Могилы 2, 4 и 5 были сооружены до устройства каменной «платформы» на площади кургана, причем в могиле 5 захоронение произведено раньше, чем в могиле 4, так как бревно обкладки последней перекрывало предыдущую могильную яму. Захоронения в могилах 1 и 3 были ограблены и «платформа» здесь не сохранилась, однако к северу от них, под вымосткой зафиксирован тонкий слой выровненного по погребенной почве выкида из могильной ямы 3. Между ними при разборке развала сооружения найдено несколько фрагментов керамического сосуда (в том числе – венчик), сплошь орнаментированного оттисками трубчатой кости (Рис. 5: 1). Фрагмент такой же керамики найден среди камней ЮЗ части кольца, у места перекрывания его сооружением кургана 3.

Могила 1 – прямоугольная яма, вытянута по оси СЗ - ЮВ, размеры: 2,15 x 1,50 м, глубина - 1,75 м (здесь и далее - все глубины от погребенной почвы). На дне прослежены остатки погребальной камеры - деревянного сруба, сложенного в три венца и перекрытого бревнами по длинной оси. В заполнении могилы найдены кости мужчины (25-30 лет), три подвески из просверленных зубов марала, фрагменты бронзового стержня и костяная

булавка с плоским окончанием. На дне зафиксированы *in situ* кости ног и руки, по которым устанавливается погребальная поза – на левом боку с согнутыми ногами, головой на СЗ. В западной части сруба найдена еще одна костяная булавка с овальным окончанием и, около локтевой кости – две бронзовые кольцевые обоймы и фрагмент тонкого стержня (Рис. 3).

Могила 2 - овальная яма с пологими стенками, вытянутая по оси СЗ - ЮВ, размеры: 1,90 x 1,30 м (по верху), глубина - 0,50 м. В заполнении встречено незначительное количество древесных углей. На дне - погребение женщины (18-20 лет), лежавшей на левом боку с согнутыми ногами, головой на СЗ. Правая рука согнута в локте, левая - вытянута к коленям. В могиле найден сопроводительный инвентарь: около локтей и на крестце - белые кальцитовые трехжелобчатые застёжки (причем на крестце более крупная), за черепом - две цилиндрических бусины из бирюзы, под левым крылом таза - бронзовый нож с навершием в виде двух орлиных голов и две бронзовые кольцевые обоймы, под правым крылом таза – бронзовое дисковидное зеркало, лежащее отполированной лицевой стороной вверх, к центральной петлевидной рукояти которого был привязан составной гребень с пятиугольной костяной пластиной и костяными крайними зубцами (зафиксированы следы деревянных зубцов). На костяных деталях - прочерченный геометрический орнамент (Рис. 4).

Могила 3 - овальная яма, вытянутая по оси З - В, размеры: 1,45 x 0,88 м, глубина - 0,72 м. Заполнение ямы – перемешанный суглинок, на глубине с 0,4 м до дна – забутована камнями. На дне зафиксирован бурый органический тлен с включениями фрагментов дерева, ориентированного волокнами по длинной оси ямы. Встречено некоторое количество углей и несколько мелких фрагментов костей.

Могила 4 - овальная яма, ориентированная по оси СЗ - ЮВ, с пологими (за исключением северо-восточной) стенками. Размеры: 1,95 x 1,30 м, глубина - 0,40 м. На каменной "платформе" вдоль СВ и ЮЗ стенок лежали параллельные бревна, причем поверхность СВ бревна была обуглена. На дне – сильно потревоженный грызунами скелет ребенка, ориентированный головой на СЗ. Судя по положению некоторых костей скелет лежал на левом боку. В погребении найден сопроводительный инвентарь: в области груди – бронзовая пектораль и фрагменты костяной копытовидной орнаментированной подвески, в районе пояса – амулет из просверленного зуба марала и две орнаментированные колоколовидные костяные подвески. В заполнении, перемешанном грызунами, найдены еще одно аналогичное изделие, просверленный зуб марала и копытовидное украшение из кости с геометрическим орнаментом (Рис. 5).

Могила 5 - овальная яма, ориентированная по оси СЗ - ЮВ, размеры: 1,30 x 0,85 м,

глубина - 0,45 м. На дне ямы, забутованной камнями, расчищены остатки деревянной колоды, покрытой берестой. На нее был уложен продолговатый валун саблевидной формы, с отколотым концом, сегментовидный в сечении. Узкие грани камня специально оббиты и подработаны. В 15 см от отколотого края камень опоясывает выбитая полоса, концы которой заходят за узкие грани на противоположную сторону. Выбивка точечная, без дополнительной шлифовки. Длина камня 56 см, толщина 8 см. Камень лежал острым концом на ЮВ окончании колоды по центральной оси могилы. Размеры сильно раздавленной и деформированной колоды: 0,93 x 0,40 x 0,10 м, внутреннее пространство – 0,70 x 0,25 м. Внутри нее расчищен сильно раздавленный и потревоженный грызунами скелет младенца, лежавший на правом боку с согнутыми ногами головой на ЗСЗ (Рис. 6).

Курган 3 расположен в средней части объекта. Его ограда, сложенная из крупных скальных обломков, перекрывает сооружение кургана 2 в своей СВ части. Здесь она устроена поверх каменной облицовки предшествующего наземного сооружения и, по причине непрочного основания, развалилась сильнее. Лучше всего ограда сохранилась в западной и восточной части, и диаметр кургана, фиксируемый здесь, составляет около 8 м. В ЮЗ части наземное сооружение и ограда разрушены при строительстве кургана 4. Его кольцо вплотную подходит к краю центральной могильной ямы и перекрывает боковые могилы 3 и 4. Всего в пределах реконструируемой площади кургана 3 исследовано четыре погребения. К западу от могилы 1 между оградой и краем ямы зачищена каменная вымостка шириной 2 м, на которой лежали три обгорелых бревна, зафиксировано скопление углей и золы. У северного края ямы отмечены плотно лежащие крупные камни - возможно, остатки обкладки могильной ямы, но, может быть и сохранившийся фрагмент кольцевой ограды кургана 2.

Могилы 1. При разборке насыпи в западине над могилой найдено скопление фрагментов сероглиняного горшка баночной формы. Яма, плотно забутованная камнями, на уровне погребенной почвы имела очертания неправильной формы. В придонной части были выявлены ее первоначальные очертания и размеры – прямоугольной в плане формы, ориентированная по оси З - В, 1,95 x 1,35 м. На глубине 1,20 м по периметру дна прослежены остатки деревянного сруба или рамы. В центре - яма неправильной овальной формы, глубиной 0,8 м от дна могилы – видимо, результат вторичного ограбления. В заполнении могилы найдены кости двух человек – женщины (35-40 лет) и ребенка (10-11 лет), древесные угли, на стенах ямы зафиксированы следы прокала. На дне, в восточной части могилы расчищены кости стоп, лежащие *in situ*. Судя по ним, женщина была похоронена на левом боку с согнутыми ногами, головой на З. Остатки сопроводительного инвентаря найдены среди камней заполнения: фрагменты двух костяных булавок, кольцо

из узкого золотого листа, фигурная нашивка из олова, изделия из бронзы – четырехгранное шило с выделенной шейкой и шляпкой, фрагменты пекторали и тонкого стержня (Рис. 7).

Могилы 2 – прямоугольная яма, 1,65 x 1,08 м, забутованная камнями и ориентированная по оси ЗЮЗ - ВСВ располагалась к северу от могилы 1 у места стыка оград двух курганов. В ней на глубине 0,70 м расчищено погребение в деревянной раме, обложенной камнями. Скелет мужчины (55-60 лет) лежал головой на ЗЮЗ, на левом боку с согнутыми ногами, правая рука согнута в локте, левая – вытянута к коленям. На ключицах и шейных позвонках лежала бронзовая пектораль, за затылочной костью – большая цилиндрическая бусина из бирюзы. Под левым крылом таза найден бронзовый пластинчатый нож с поперечным отверстием на конце рукояти, лежавшее с ним в одном кожаном чехле железное шило с рукоятью из фаланги животного. Рядом, под костями правого запястья, зафиксированы шесть бронзовых кольцевых обойм, подвеска из клыка кабарги и фрагменты костяных пластинок с геометрическим орнаментом. Кроме того, были найдены перемещенные грызунами подвеска из зуба марала и составная булава с грушевидной железной головкой и бронзовым стержнем (Рис. 8).

Могилы 3 – овальная яма, ориентированная по оси З-В, 1,45 x 0,90 м, располагалась к Ю от могилы 1 и была обнаружена под камнями ограды кургана 4. На глубине 0,40 м расчищено погребение ребенка, лежащего на левом боку с согнутыми ногами, головой на З. Вероятно, захоронение было произведено в колоде, остатки которой зафиксированы за черепом и в ногах погребенного. Вдоль северной стенки могильной ямы на дне лежало обгорелое бревно 1 м длиной. В районе шейных позвонков и грудной клетки найдены бусы: 1 экз. – прямоугольная, плоская из бирюзы; 4 экз. – асимметрично биконические из желтого стекла; около 30 экз. (часть бусин разрушилась) – плоский пастовый бисер голубого и белого цвета (Рис. 9А: 1-3).

Могилы 4 – овальная яма, ориентированная по оси ЗСЗ - ВЮВ, 1,30 x 0,80 м, располагалась к ЮВЮ от могилы 1 и была перекрыта выкидом из могилы 4 кургана 4. В СВ части яму перекрывало кольцо кургана 4. На глубине 0,75 м расчищено захоронение ребенка в колоде. Размеры колоды: 1,10 x 0,35 м; внутренняя площадь – 0,60 x 0,25 м. Большинство костей перемещено грызунами, череп лежал у западной стенки колоды, ребра – у южной. Вероятно, погребенный был помещен головой на ЗСЗ, на левом боку. На колоде и на костях кое-где прослежены следы берестяного покрытия. В районе грудной клетки найдено большое количество бус: около 60 экз. плоского голубого бисера из стеклянной пасты и две каменные бусины – округлая сердоликовая и цилиндрической формы из бирюзы. Бисер, видимо, был нашит на одежду рядами внахлест, что прослежено

на одном сохранившемся *in situ* участке (Рис. 9Б: 4-6).

Курган 4 - наиболее позднее сооружение с вытянутой по оси С - Ю, овальной оградой, сложенной из крупных каменных блоков в несколько рядов. Размеры наземного сооружения: С - Ю – 11,30 м; З - В – 8 м. С внешней стороны восточной части кольца на уровне погребенной почвы собрано несколько фрагментов сероглиняной керамики от горшка баночной формы. В СЗ части кольца зафиксировано скопление костей крупного и мелкого рогатого скота. В северной части внешней стороны ограды вертикально установлен продолговатый каменный блок высотой 0,65 м. Наземное сооружение состояло из могильных выкидов, заполняющих всю площадь, обложенных сверху камнями. По центральной оси кургана располагались четыре могилы, к ЮВ от могилы 1 (центральной и наиболее ранней) – еще одна, впущенная в ее выкид. Кроме того, среди камней верхнего яруса заполнения могильной ямы 1 обнаружено впускное безынварное захоронение – сильно скорченный скелет женщины 25-30 лет, лежащий на правом боку головой на юг. Между западным краем центральной могилы и кольцом на уровне горизонта зачищена выкладка из валунов.

Могилы 1 – расположена в центре кургана. Овальная в плане яма, вытянутая по оси СВС - ЮЗЮ, 2,0 x 1,50 м, была выкопана раньше могилы 3 к Ю от нее и могилы 4 к С, так как выкиды из их ям перекрывали относящийся к ней валик выброса. На западных и восточных краях зафиксированы концы бревен перекрытия ямы, уложенных поперек длинной оси могилы. Два южных бревна – обгорели. Могила была ограблена. В заполнении встречены разрозненные кости девяти человек:

1. Фрагмент правой половины нижней челюсти с молярами. Женщина 18-20 лет.
2. Несколько костей посткраниального скелета. Женщина 30-35 лет.
3. Череп хорошей сохранности с нижней челюстью и почти полный посткраниальный скелет. Мужчина 30-35 лет.
4. Череп хорошей сохранности с нижней челюстью и почти полный посткраниальный скелет. Женщина 35-40 лет.
5. Череп хорошей сохранности с нижней челюстью. Девочка (?) 11-33 (12±1 год) лет.
6. Череп в крупных фрагментах, деформированный посмертно, с нижней челюстью. Женщина 13-15 (14±1 год) лет.
7. Крупные фрагменты черепа, деформированные посмертно. Ребёнок 5-6 лет.
8. Крупные фрагменты черепа, деформированные посмертно. Ребёнок (мальчик?) 6-7 лет.
9. Нижняя челюсть ребёнка 6-8 (?±1 год) лет.

На глубине 1,15 м, на дне могилы зафиксированы кости ног, сохранившиеся *in situ*, черепа под западной стенкой ямы. Это позволяет установить погребальную позу

некоторых захороненных – на левом боку с согнутыми ногами, головой на З. Под северной стенкой ямы на костях стоп подростка найдены остатки колчана с 12 наконечниками стрел (1 – деревянный, остальные – бронзовые черешковые трехлопастные). За черепами в ЮЗ углу найдено плоское кольцо из золотого листа. Кроме того, в заполнении обнаружены три плоских бирюзовых бусины и обломок белого пастового бисера (Рис. 10).

Могилы 2 – овальная яма, ориентированная по оси СЗ - ЮВ, 1,10 x 0,60 м, впущенная в выкид к ЮВ от могилы 1 и углубленная в погребенную почву на 0,18 м содержала парное детское захоронение. Скелет 1 (мальчик? – 11-13 лет) лежал на левом боку с сильно согнутыми ногами, головой на СЗ. В районе пояса найдена костяная пластина, за правым крылом таза – бронзовая игла. Скелет 2 (ребенок около 6 лет) был уложен сверху вдоль СВ стенки ямы на правом боку с согнутыми ногами и аналогично ориентирован (Рис. 11).

Могилы 3 – овальная, слегка вытянутая по оси З - В яма, 1,75 x 1,35 м, располагалась к ЮЗЮ от могилы 1. На краях на уровне погребенной почвы были зафиксированы следы деревянного перекрытия, ориентированного по оси З - В. В заполнении встречены разрозненные кости трех человек – мужчины (35-40 лет), девочки (11-13 лет) и женщины (35-40 лет). Яма несколько расширялась ко дну и имела небольшие подбои в С и Ю стенках. На глубине 1,20 м зачищено дно могилы, где зафиксированы *in situ* кости стоп трех погребенных и кисть одного из них. Это позволило установить погребальную позу – на левом боку с согнутыми ногами, головой на З. У западной стенки прослежены фрагменты дерева. На дне найдены остатки сопроводительного инвентаря: у СВ стенки лежали остатки кожаного колчана с двумя деревянными и семью бронзовыми трехлопастными черешковыми наконечниками стрел; у кисти, видимо, в районе пояса обнаружены бронзовая орнаментированная обойма и пряжка, сделанная из астрагала барана; под южной стенкой лежала бронзовая фигурная бляшка с петлей на обороте. В заполнении найдены два обточенных астрагала, круглая обойма и два фрагмента стержней из бронзы (Рис. 12, 13).

Могилы 4 – яма неправильной овальной формы, 2,40 x 1,80 м, вытянутая по оси С - Ю, расположена к СВС от центрального погребения. На западном краю ямы зафиксировано обгорелое бревно от перекрытия, лежащее поперек длинной оси могилы. В заполнении найдены кости от шести человек, среди которых – отдельные лучевые и бедренные двух детей (8-9 и 4,5-5,5 лет), фрагмент нижней челюсти взрослого (18-20 лет) и кости скелетов трех женщин (25-30; 18-20; 16-18 лет). На глубине 1,10 м зачищено дно могилы, где у ЮЗ стенки на левом боку с согнутыми ногами головой на СЗ лежал скелет

девочки (11-13 лет), вокруг шейных позвонков которой найден зеленый и белый бисер (20 экз.), а за черепом – крупная цилиндроконическая бусина из камня белого цвета (результат экзогенного изменения бирюзы). По сохранившимся *in situ* берцовым и стопам, такая же поза устанавливается и для взрослых погребенных, причем старшая из женщин лежала в центре могилы. В заполнении найден железный нож, костяная круглая обойма и бирюзовая бусина (Рис. 14).

Могилы 5 - овальная яма, вытянутая по оси СЗ - ЮВ, 1,35 x 1,0 м, располагалась к югу от могилы 3 вплотную к ограде кургана. В заполнении среди камней зафиксированы небольшие фрагменты дерева и кости от трех человек – двух женщин (35-40 и 16-18 лет) и младенца. Костяк женщины 16-18 лет собран почти полностью, от остальных скелетов сохранились лишь черепа и отдельные кости. Из инвентаря найдена только небольшая уплощенно-цилиндрическая бусина из бирюзы. В СВ стенке ямы на глубине 0,60 м сделан подбой глубиной 0,15 м. На дне, на глубине 0,85 м, *in situ* зафиксированы только фаланги пальца. По несросшимся эпифизам на костях можно предполагать, что они принадлежат молодой женщине и она лежала, по-видимому, головой на СЗ.

Исследованные курганы могильника Копто интересны очевидной хронологической последовательностью комплексов. При этом из четырнадцати могил ровно половина сохранилась в не потревоженном состоянии, а все ограбленные захоронения, за исключением могилы 3 кургана 2, содержали остатки сопроводительного инвентаря. В результате получена достаточно представительная коллекция предметов из стратифицированных комплексов.

Принцип устройства погребальных сооружений вплотную друг к другу попарно или по три – характерная черта алды-бельской культуры [Грач, 1980, с. 24]. Между тем, раскопки Вл.А. Семенова на могильнике Сарыг-Булун [Семенов, Килуновская, 1990, с. 36, рис. 1] и комплекс могильника Копто показывают, что скорее всего курганы не примыкали, а перекрывали друг друга. Публикуемые планы «классических» комплексов могильников Хемчик-Бом III и V, Алды-Бель, Куйлуг-Хем не противоречат этому предположению. Кольца-крепиды в этих памятниках, сложенные из валунов, не образуют четкого кромлеха вокруг памятника, а часто совсем не фиксируются. Там, где камни крепиды прослежены уверенно, очертания «сдвоенных» курганов говорят скорее о перекрывании одного сооружения другим. Например, план алды-бельского комплекса могильника Хемчик-Бом V [Грач, 1980, с. 242, рис.104], позволяет предположить, что курган 2 перекрыл сооружение кургана 1 в его юго-западной части. При этом камни крепиды более раннего памятника были сдвинуты с первоначального места или

использованы при сооружении кольца следующего кургана.

Курган 2 могильника Копто – наиболее ранний из исследованных – отличается от последующих сооружений наличием в его основании «платформы» из галечника. Последовательность захоронений на его площади стратиграфически зафиксирована в нескольких случаях: могила 1 сооружена позже могилы 2, а могила 4 – позже могилы 5. Особо следует сказать о могиле 3. Здесь не было обнаружено никакого датирующего материала и останков погребенного (за исключением мелких, неопределимых костей). Может быть, эта яма была выкопана до строительства кургана, о чем косвенно свидетельствует выкид из нее, зафиксированный к северу под камнями «платформы». В этом случае, фрагменты орнаментированной керамики, найденные в ряде мест среди камней сооружения, могут быть связаны с ней. Утверждать этого нельзя, так же как и связывать эту керамику с исследованным комплексом. Обломки сосудов с такой орнаментацией известны из раскопок стоянок в Саянском каньоне Енисея, где они отнесены к окуневской культуре Тувы [Семенов, 1992, с. 56, рис.40]. Интересно, что именно такая керамика неоднократно была обнаружена при раскопках курганов раннескифского времени в Туве. Фрагменты с орнаментом, выполненным полый трубчатой костью, найдены под сооружением кургана Аржан-2, на могильниках Усть-Хадынныг I и Малиновка. [Кызласов, 1979, с. 19, рис. 10: 2] Исследователи всегда связывали эти случаи с наличием более раннего культурного слоя под памятником. Отметим, однако, что приостренная форма фрагмента венчика сосуда (Рис. 5: 1), найденного в кургане 2, не характерна для окуневского керамического комплекса и, возможно, свидетельствует о более позднем происхождении найденных фрагментов сосуда. В связи с этим имеет значение предположение об участии окуневского компонента в сложении культуры скифского типа в Туве [Мандельштам, Стамбульник, 1980, с. 53; Чугунов, 1997, с. 239].

Могила 2 содержала набор инвентаря, характерный для женских погребений «классических» памятников алды-бельской культуры – нож, зеркало и гребень (напр. могильник Хемчик-Бом III, мог.3, 9, 13 [Грач, 1980, с. 128]). Нож с выделенной рукоятью и навершием в виде двух птичьих голов, обращенных клювами в противоположные стороны, имеет аналогии в Минусинской котловине. Серия ножей с подобными навершиями, но с ромбовидными или ажурными прорезями в рукояти, опубликованы М.П. Завитухиной. Наиболее близкий нашему – нож из коллекции В.В.Радлова [Завитухина, 1983, с. 86, кат.258]. Костяная накладка гребня по форме полностью совпадает с аналогичным предметом из кургана 1 могильника Сарыг-Булун, также лежавшего в комплекте с зеркалом без бортика, с центральной рукоятью, выполненной в

виде фигурки стоящего барана [Семенов, Килуновская, 1990, с. 38, рис.2: 2]. Стиль и техника нанесения геометрического орнамента на обоих гребнях тоже аналогичны. Сходство в орнаментации еще больше усиливается, если рассмотреть боковые планки гребня из Копто. Орнамент в виде заштрихованных полос, переходя с одной грани изделия на другую образует зигзаг – такой же, как на одной из пластин сарыг-булунского гребня (Рис. 14). Авторы публикации этого комплекса называют этот орнамент «карасукским». Точнее было бы назвать его «бегазы-дандыбаевским». Зеркало без бортика с центральной ручкой найденное в этом захоронении, не может указывать на его сравнительно позднюю дату, как считалось ранее. Такие изделия широко известны в комплексах эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и продолжают бытовать в раннетагарское время. Материалы кургана Аржан-2 показали, что в алды-бельской культуре они сосуществуют с зеркалами с бортиком [Чугунов, Наглер, Парцингер, 2002]. Архаичность комплекса дополняют обнаруженные кальцитовые трехжелобчатые застежки, аналогичные найденным в кургане Аржан-1.

В могиле 4 кургана 2 с захороненным ребенком найден сопроводительный инвентарь, в числе которого – серия из пяти резных костяных предметов с геометрическим орнаментом. Три из них – колоколовидные подвески с отверстием в уплощенной вершине, отделенной прорезными горизонтальными линиями от расширяющейся нижней половины, орнаментированной заштрихованными треугольниками (Рис. 15). Они имеют аналогии в памятниках более поздней уюкско-саглынской культуры, в том числе – могильнике Саглы-Бажи II, где они найдены рядом с женским костяком. Одна из подвесок там имела в верхней части вместо отверстия изображение человеческого лица с прической, завершающейся ниспадающей косой. А.Д. Грач, проанализировав эти предметы, пришел к выводу, что они являются женскими амулетами, посвященными «Великой богине – матери всего сущего» [Грач 1980, с. 66 – 69]. Вопрос вероятного происхождения этой культовой традиции у населения эпохи бронзы Саяно-Алтая рассмотрен в специальной работе [Мачинский, Чугунов, 1998, с.183-188]. Обращает внимание то, что в большинстве случаев все эти амулеты зафиксированы в погребениях взрослых женщин. В детской могиле, как и в рассматриваемом памятнике, такие предметы найдены в кургане 4 могильника у горы Бош-Даг, причем также в комплексе с копытовидной подвеской. Курган этот относится к алды-бельской культуре и интересен радиальными выкладками из вертикально врытых плит, зафиксированными на его площади [Савинов, 1994, с. 79; 2002, с. 86]. Последняя особенность несомненно восходит к традиции херексуров. Копытовидная подвеска, аналогичная найденным в могиле 4, также ранее найдена в раннем уюкско-саглынском комплексе могильника

Урбюн III (курган 1) [Савинов 1980]. Бронзовая пектораль, найденная в могиле, относится к традиционным атрибутам алды-бельских погребений на всем протяжении культуры. Отличия ее от аналогичных предметов из однокультурных комплексов заключается в способе подвески (вместо отверстий сделаны петли из загнутых концов) и материале (бронза вместо золота). Такая же пектораль, но более крупных размеров, найдена в могиле 2 кургана 3 рассматриваемого комплекса. Антропологическое определение скелета из этой могилы показывает, что нагрудные украшения такого типа носились как женщинами (курган 2, мог. 2), так и мужчинами (курган 3, мог.2).

В могиле 5 на помещенной там колоде с младенцем лежала продолговатая галька саблевидной формы с выбитой полосой и подработанными краями (Рис. 6). Выбитый поясок не сомкнут на нижней стороне камня. О том, что галька была положена на колоду специально, говорит ее расположение – строго по оси могилы, забутовка камнями могильной ямы сверху и непо потревоженность каменной «платформы» над могилой. Этот атрибут погребального ритуала несомненно восходит к традиции оленных камней, с которой связаны памятники алды-бельской культуры [Савинов, 1994а, с. 66 – 69; 2002, с.87].

Могила 1 в кургане 2 была ограблена и из предметов сопроводительного инвентаря сохранилось немного. Две костяные шпильки, найденные в погребении, известны во многих памятниках алды-бельской культуры. По-видимому, они являются атрибутом особой прически ранних кочевников, так как в уюкско-саглыньских памятниках также распространены булавки, но сделанные из железа (реже – бронзы) с навершиями в виде шариков, часто обтянутых золотом.

Ограда кургана 3 была построена после завершения функционирования предыдущего погребального комплекса. При этом ЮВ часть кольца кургана 2 была разобрана и ограда возведена поверх развала его сооружения. В центральной части насыпи собраны фрагменты керамического горшка. Отсутствие керамической посуды в могилах является специфической чертой алды-бельских памятников, однако, сейчас уже можно сказать, что она присутствовала в культурном комплексе. Обряд установки посуды рядом с могильными ямами известен в курганах алды-бельской культуры. Наиболее ярко он прослежен на расположенном в 24 км ниже по реке могильнике Копту-Аксы, где на площади кургана стояло несколько перевернутых баночных сосудов (раскопки Вл.А. Семенова, 1990 г.). Опубликованный сосуд [Kilunovskaya, Semenov, 1995, p. 34, cat. 287] орнаментирован горизонтальными каннелюрами, что придает ему сходство с керамикой подгорновского этапа тагарской культуры. Фрагменты керамики от сосудов баночной формы с орнаментом из наклепных валиков, иногда рассеченных, зафиксированы под

каменными развала наземных сооружений могильника Усть-Хадынныг I (раскопки А.В. Виноградова, 1976 – 78 гг.). Таким образом, найденные в насыпях курганов 3 и 4 фрагменты сосудов баночной формы могут быть синхронны погребальным сооружениям.

В отличие от кургана 2 в более поздних сооружениях комплекса не было сплошной каменной «платформы». Вымостки из галечника зафиксированы только к западу от центральных погребений. Эта обрядовая особенность объединяет курганы 3 и 4. В кургане 3 на вымостке горел огонь, следы которого прослежены и в заполнении могилы 1. Возможно, костер первоначально занимал большую площадь и был разожжен на перекрытии погребения. В заполнении ямы найдены остатки сопроводительного инвентаря. Фрагменты пекторали, костяные булавки и бронзовое шило являются характерными для алды-бельской культуры. Интересна фигурная нашивка, не имеющая аналогий в памятниках Тувы раннескифского времени. Ранее считалось, что она вырезана из серебряного листа [Џугунув, 1998; Минасян, 2000], однако анализ металла этого изделия, выполненный С.В. Хавриным показал, что украшение сделано из чистого олова. Вероятно, использование чистого олова для изготовления украшений было характерно для носителей алды-бельской культуры. В кургане Аржан-2 оловянные предметы найдены в двух сопроводительных могилах, а, учитывая нестойкость этого металла, таких изделий могло быть гораздо больше.

Сопроводительный инвентарь, найденный в могиле 2, включал большой бронзовый нож с прямым лезвием и поперечным отверстием на конце рукояти. В одном чехле с ним найдено железное четырехгранное шило с рукоятью из фаланги животного. Изделия такого типа известны в уюкско-саглыньских памятниках [Семенов, 1995, с. 164, рис. 1: 4]. Составная биметаллическая булавка – также не типичный для алды-бельской культуры предмет – аналогична по специфической форме железной головки булавке из кургана 5 могильника Ортаа-Хем II (раскопки И.У.Самбу, 1967г.). Коллективная могила в этом кургане содержала как ранние (зеркало с бортиком), так и более поздние (кинжал с бабочковидной гардой) типы вещей.

Могилы 3 и 4, содержащие детские захоронения в колодах, дали однотипный материал - наборы пастового бисера, стеклянные (могила 3) и каменные бусы. А.Д. Грач отмечал обилие бус из сердолика и бирюзы в алды-бельских памятниках. Бирюзовые бусины найдены во всех трех курганах комплекса Копто, причем в могилах курганов 2 и 3 они очень похожи по форме и размерам.

Курган 4 – самый поздний в комплексе – отличается от предыдущих хорошей сохранностью овальной ограды и расположением могил по центральной оси сооружения. В стороне находится только детское погребение, впущенное в уже сформированную

насыпь. Погребальный обряд этой могилы и находки, сделанные в ней, не противоречат принадлежности ее к комплексу кургана.

Остальные могилы кургана 4 содержали коллективные погребения, причем размеры некоторых ям не позволяют предположить одноактность захоронения найденных в них останков (могила 1 – 9 человек; могила 5 – 3 человека). Здесь следует отметить, что первоначально одним из основных отличий алды-бельских от саглыньских памятников считалось устройство индивидуальных (реже – парных) захоронений в одной культуре и коллективных – в другой [Грач 1971, с. 97, 98]. Однако в последние годы коллективные могилы алды-бельской культуры были исследованы на могильниках Сыпучий Яр и Холаш [Семенов, 1997; 1997а.]. Гораздо более существенным отличием от традиционного погребального канона этой культуры может являться линейное расположение могил на площади кургана. Радиальная планировка внутрикурганного пространства, восходящая еще к начальному (аржанскому) этапу эпохи ранних кочевников [Савинов, 2002, с. 89] – характернейшая черта алды-бельской культуры. Не исключено, правда, что линейная планировка захоронений – локальная особенность памятников таежной зоны. На это указывает аналогичное расположение могил в земляном кургане, исследованном М.А. Дэвлет на левобережье р. Ий в Тоджинском районе Тувы [Дэвлет, 2004, с. 29, рис. 4]. Как бы то ни было, курган 4 могильника Копто при сопоставлении его с более ранними курганами этого комплекса обнаруживает существенные совпадения, как в конструкции наземного сооружения, так и в инвентаре могил. Глубина ям здесь также не превышает 1,5 м, структура наземного сооружения и каменная вымостка к западу от центральной могилы – аналогичны кургану 3. Последняя деталь интересна тем, что имеет соответствия в памятниках раннескифского времени других регионов, в частности, на могильнике Покровский Лог-4 [Шульга и др., 2003, с. 129, рис. 1]. П.И.Шульга соотносит вымостку из камней между оградой и могилой с традицией закладки дромоса в курганах Чиликтинского могильника. В свою очередь, можно предположить связь этой детали обряда с традицией, восходящей к радиальным выкладкам херексуров.

Рассмотрим материальный комплекс кургана 4 и его соответствие алды-бельским традициям. В центральной могиле кургана найдено плоское кольцо, откованное из золота – такое же, как и в могиле 1 кургана 3. Черешковые трехлопастные бронзовые наконечники стрел из кургана 4 – по всем признакам изготовлены в традициях раннескифского времени [Чугунов, 2000]. В частности, длинный клиновидный черешок, которым снабжены наконечники из могилы 1, может рассматриваться как ранний признак. Крупные размеры наконечников стрел из могилы 3 также говорят об их архаичности. Обращает внимание уникальный экземпляр наконечника из колчана, найденного в могиле

1, все три грани которого имели индивидуальный рисунок. Наконечники с криволинейным орнаментом известны в алды-бельском комплексе кургана 2 могильника Сарыг-Булун [Семенов, Килуновская, 1990, рис. 4: 6,8,9] и Аржан-2. Железный нож, найденный в могиле 4, не противоречит отнесению кургана к алды-бельской культуре, так как изделия из железа сейчас уже не редкость в памятниках раннескифского времени Саяно-Алтая [Чугунов, Наглер, Парцингер, 2002; Шульга, 2003, с. 108]. Бронзовая обойма с орнаментом в виде «витого шнура», происходящая из могилы 3, возможно, являлась деталью наборного пояса – характерного атрибута воинских алды-бельских погребений. Подобный орнамент известен на обоймах из могильников Усть-Хадынныг I [Виноградов, 1980, с. 63, рис. 1: 13] Сыпучий Яр [Семенов, 2001, с.169, рис.2: 8-10] и кургана Аржан-2 [Chugunov, Partsinger, Nagler, 2004, p.3, fig.1]. Фигурная бляха из того же погребения не имеет прямых аналогий, но, возможно, это стилизованное изображение лука в горите. Подвески в виде лука были широко распространены в скифское время на широкой территории [Дэвлет, 1966, с. 70 – 74], в том числе и в Туве [Мандельштам, 1992, табл. 75: 43]. Каменные бусы и бисер из погребений кургана 4 аналогичны найденным в более ранних захоронениях комплекса, хотя здесь встречены и отличающиеся по форме экземпляры.

Таким образом, анализ всех материалов позволяет сделать заключение, что комплекс из трех последовательно возведенных курганов, исследованный на р. Копто, развивался в рамках алды-бельской традиции. Погребальный обряд курганов 2 и 3 в целом соответствует традиционному канону. Позднейший курган демонстрирует трансформацию погребального ритуала. Наблюдаемые здесь инновации, возможно, сложились под влиянием уюкско-саглынской культуры, но, может быть, являются локальными особенностями алды-бельской культуры горно-таежной зоны Тувы.

Вопрос абсолютной хронологии могильника Копто, как и в целом всех древностей эпохи ранних кочевников Азиатских степей, осложнен отсутствием твердо датированных импортов. Мы не знаем, когда появились те или иные типы вещей в том или ином регионе и сколь долго они существовали. В отличие от внутренней периодизации каждой археологической культуры, абсолютные даты зачастую основываются на далеких аналогиях некоторым категориям вещевого комплекса в памятниках Европейской Скифии и представлениях исследователя об истоках и направлении развития культур скифского типа. Между тем, традиционные хронологические определения в последние годы все больше вступают в противоречие с новыми материалами. Хрестоматийный пример – датировка кургана Аржан-1, часть материалов которого по западным аналогиям относится к предскифскому времени, а часть имеет соответствия в тагарских памятниках

подгорновского этапа. При этом если причерноморские памятники имеют достаточно твердо установленную верхнюю границу существования, обусловленную появлением здесь хорошо датированных амфорной тарой и письменными источниками раннескифских комплексов, то датировка тагарской культуры не имеет исторических реперов. Весьма показательно, что ее начальная дата на протяжении всей истории изучения исследователями определялась от X до VI вв. до н.э. (обзор лит. см.: [Субботин, 1995, с. 136 - 140]). Если же обратиться к отдельным категориям вещей, то сейчас накопилось уже значительное количество противоречий в их датировке на разных территориях. Можно привести один яркий пример – бляхи в виде оленя с подогнутыми ногами, широко распространенные в памятниках сарагашенского этапа (не раньше V в. до н.э. по традиционной хронологии), имеют прямые аналогии в курганах могильников Чиликты (Восточный Казахстан) и Гумарово (Южное Приуралье), где они датируются VIII – VII вв. до н.э. Единственная возможность выхода из этой ситуации – широкое использование для датировки археологических комплексов независимых методов, один из которых – радиоуглеродное датирование образцов.

Применение радиоуглеродного метода для датирования комплекса могильника Копто было осуществлено в лаборатории ИИМК.

Таблица 1 Радиоуглеродные датировки комплексов могильника Копто

Шифр лаборатории	Дата ВР	Калиброванные даты (Cal BC)		Материал образца	Происхождение образца
		1 σ 68,2 %	2 σ 95,4 %		
Ле-5222	2440±30	760-700 (17,8%) 550-410 (50,4%)	770-680 (27,1%) 670-610 (7,7%) 600-400 (60,6%)	уголь	Курган 2, могила 4
Ле-5224	2500±60	790-740 (9,0%) 730-520 (59,2%)	800-480 (85,7%) 470-410 (9,7%)	дерево	Курган 2, могила 5
Ле-5220	2500±60	790-740 (9,0%) 730-520 (59,2%)	800-480 (85,7%) 470-410 (9,7%)	дерево	Курган 2, могила 1
Ле-5216	2480±60	770-510 (68,2%)	790-410 (95,4%)	дерево	Курган 2, могила 1
Ле-5217	2380±25	520-390 (68,2%)	760-700 (5,1%) 520-390 (90,3%)	уголь	Курган 3, могила 1
Ле-5221	2430±40	760-700 (16,5%) 540-400 (51,7%)	770-610 (33,8%) 600-400 (61,6%)	дерево	Курган 3, могила 3
Ле-5225	2525±20	790-750 (22,0%) 690-660 (11,2%) 640-590 (24,7%) 580-560 (10,2%)	800-750 (24,8%) 700-540 (70,6%)	дерево	Курган 3, могила 4, восточная часть
Ле-5218	2420±25	540-530 (2,1%) 520-400 (66,1%)	760-680 (20,9%) 550-400 (74,5%)	уголь	Курган 3, Вымостка
Ле-5219	2460±25	760-680 (29,6%) 670-630 (9,5%) 590-570 (3,1%) 550-500 (13,1%) 490-480 (1,7%) 470-450 (4,5%) 440-410 (6,7%)	770-610 (45,7%) 600-400 (49,7%)	уголь	Курган 4, могила 1

Анализировались образцы дерева погребальных срубов и колод и обугленная древесина. Сохранность дерева в памятнике не позволяла применить метод датирования по годичным кольцам, поэтому интервалы календарного возраста образцов достаточно широки. Это обусловлено сложным характером калибровочной кривой – так называемым «гальштадским плато», протяженностью около 400 лет – участком, на который попадают все даты ^{14}C для раннескифских памятников. Тем не менее, девять датировок, полученных для разных комплексов (Таблица 1) позволяют сделать некоторые выводы. Калиброванный интервал их календарного возраста не моложе 400 г. до н.э. Это соответствует представлениям о времени существования алды-бельской культуры в рамках VII – VI вв. до н.э. и сосуществования наиболее поздних ее памятников в конце VI – начале V вв. до н.э. с ранними уюкско-саглыньскими комплексами [Zaitseva et al., 1998, p. 314, fig.2].

В целом, однако, пример радиоуглеродного датирования захоронений могильника Копто показывает, что этот метод не всегда дает однозначное определение абсолютного возраста памятника. Для уточнения хронологии таких «сложных» временных отрезков, связанных с резким изменением содержания радиоуглерода в атмосфере в этот период и, как следствие, широкими датировками единичных образцов, необходима серия последовательных определений одного дендрообразца с известным количеством годичных колец. Тогда путем применения методов математической статистики можно определить календарный возраст последних (внешних) годичных колец с большой степенью достоверности. К сожалению, на могильнике Копто таких образцов дерева не сохранилось и датировалась вся совокупность колец. Однако за последние годы такая работа проделана для целого ряда других памятников скифского времени Саяно-Алтая.

Следовательно, еще один путь уточнения абсолютной хронологии памятника – сопоставление его материалов с комплексами, имеющими надежные серии радиоуглеродных датировок, при калибровке показавшие сравнительно узкий календарный интервал. Большая серия радиоуглеродных дат для кургана Аржан-1 показала, что календарный возраст этого памятника рубеж IX – VIII вв. до н.э. [Зайцева и др., 1997, с. 40, 43, табл.1]. Соответственно, независимым методом был подтверждена «предскифская» (по европейским понятиям) линия сопоставлений материалов этого ключевого памятника.

Еще один элитный памятник – Аржан-2, являющийся «царским» захоронением носителей алды-бельской культуры – был продатирован еще более надежно, с использованием перекрестного метода математической обработки дендрошквал образцов и

радиоуглеродных дат. Для этого кургана получено несколько последовательных серий взаимосвязанных датировок по годовичным кольцам листовидных бревен погребальной камеры [Chugunov et al, 2004]. Кроме того, выполнены датировки различных образцов (войлок, текстиль, кожа, кость) из сопроводительных захоронений при помощи ускорительной масс-спектрометрии [Van der Plicht, 2004, p. 51, table 1]. Не смотря на то, что даты так же попали на «гальштадское плато» калибровочной кривой, в результате этой работы можно утверждать, что памятник датируется серединой – второй половиной VII в. до н.э.

Также очень показательны радиоуглеродные датировки, полученные для серии памятников подгорновского этапа тагарской культуры. Практически все они показали калиброванные значения календарного возраста, верхняя граница которых не выходит за пределы IX в. до н.э. [Боковенко и др., 2002, с. 21]. Таким образом, раннетагарские комплексы оказываются синхронными кургану Аржан-1, а некоторые из них даже древнее его. Это объясняет подгорновские аналогии в материалах тувинского элитного кургана, которые служили для обоснования его сравнительно поздней (VII – VI вв. до н.э.) датировки [Членова, 1997].

Одна из категорий этих аналогий – трехжелобчатые застежки, по-видимому, могут являться в Туве своеобразным индикатором раннего этапа алды-бельской культуры. Они аналогичны изделиям из Аржана-1 и не встречены больше ни в одном «классическом» комплексе раннескифского времени. Кроме Аржана и Копто такие застежки найдены на территории труднодоступного горно-таежного Тоджинского района. Два экземпляра происходят из захоронения, исследованного М.А. Дэвлет на могильнике Вторая поляна [Дэвлет, 1975, с. 126, рис. 8]. Прямоугольные земляные курганы содержали неглубокие (до 0,85 м) могилы с сожженными бревенчатыми перекрытиями. Один курган был сильно ограблен. Во втором вместе с пятью погребенными найден сопроводительный инвентарь, характерный больше для тагарской культуры, чем для памятников Тувы. Аналогичны тагарским обнаруженные здесь кинжал и ножи. Наконечники стрел представлены набором втульчатых двухлопастных и ромбических экземпляров. Примечательно, что здесь не найдены черешковые формы наконечников, обязательные в алды-бельских колчанах. Набор наконечников из Второй поляны соответствует набору, найденному в кургане Аржан-1. Кроме того, помимо упоминавшихся трехжелобчатых застежек, с материалами Аржана-1 соотносится подвеска из клыка кабана с отверстием в средней части. Ранее комплекс могильника Вторая поляна был датирован на основании тагарских аналогий VI в. до н.э. Сейчас представляется возможным синхронизировать его с Аржаном-1 или с подгорновским этапом тагарской культуры. Еще один комплекс из Тоджи –

упоминавшийся курган на р. Ий [Дэвлет, 2004, с. 28 - 36]. Среди предметов, найденных здесь, тоже обнаружены трехжелобчатые застёжки. При этом ножи из этого комплекса аналогичны сарагашенским, колчаный набор включает черешковую группу наконечников. Своеобразная серьга из белого металла (возможно – из олова?) с пирамидальной подвеской, также напоминает алды-бельские серьги с конусом, но в то же время сохраняет еще традицию подвеса в виде большой бусины. Эта особенность, вероятно, восходит к серьгам эпохи поздней бронзы. Большие бусы украшали серьги из кургана Аржан-1. Типологическое развитие этой категории украшений рассмотрено в специальной работе [Чугунов, 2003, с. 386 - 395]. Материалы ийского памятника, по-видимому, соответствуют начальной стадии проникновения алды-бельских традиций. Возможно, курганы в горно-таежной зоне Тувы оставило население, еще не разорвавшее связей с территорией Среднего Енисея, которые, вероятно, были достаточно сильны на аржанском этапе. Именно черешковые стрелы как компонент стрелкового набора маркируют появление на территории Тувы носителей алды-бельских традиций, по-видимому, с территории Казахстана. Они не встречены в подгорновских памятниках, но, при том, что черешковый способ насада в целом не характерен для тагарской культуры на всем протяжении ее существования, единично присутствуют в сарагашенских комплексах. Это указывает с одной стороны на синхронизацию алды-бельской культуры и сарагашенского этапа, с другой – говорит о том, что носители традиций этой категории вооружения появились в Туве не с территории ареала тагарской культуры.

Многие сарагашенские комплексы, образцы из которых датированы радиоуглеродным методом, также удреваются [Gorsdorf, Parzinger, Nagler, 2004, p. 85, table 1]. Вероятно, хронология этого этапа тагарской культуры должна быть «растянута» по временной шкале за счет удревания ранних памятников. На это указывают и произведенные демографические расчеты семикратного роста населения на Среднем Енисее в сарагашенское время [Субботин, 1995, с. 140 - 142]. Датировки памятников этого этапа не столь однозначны, так как попадают на тот же сложный участок калибровочной кривой. Однако это само по себе говорит об их раннескифском возрасте. Для синхронизации тувинских материалов с комплексами тагарской культуры это очень важно, так как снимает многие противоречия. Так, нож из могилы 2 кургана 2 могильника Копто, ранее соотносимый с аналогичными тагарскими изделиями мог быть датирован VI – V вв. до н.э. [Завитухина, 1983, с. 86, кат.258], что как минимум на 100 лет позже календарной даты. Некоторые ножи, найденные в сопроводительных погребениях кургана Аржан-2, также имеют аналогии только в сарагашенских комплексах. Дисквидные зеркала с центральной ручкой существуют в Туве и Минусинской котловине

одновременно с зеркалами с бортиком. Это наглядно продемонстрировал комплекс Аржана-2. Возможно, когда будет проведена специальная работа по исследованию стеклянных бус из алды-бельских и тагарских курганов, синхронизация памятников двух регионов будет установлена и на основе этой категории вещей. Во всяком случае, асимметрично-биконические бусы характерны именно для комплексов раннескифского времени Тувы и ранних памятников сарагашенского этапа.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что нет оснований относить весь комплекс курганов могильника Копто к финальному этапу алды-бельской культуры, как это было сделано в предыдущих работах [Сугунов, 1998; Чугунов, 1999]. Курган 2 – наиболее ранний из них – возможно, относится к началу алды-бельской погребальной традиции. На это указывают параллели в обряде и материальном комплексе с наиболее ранними однокультурными памятниками, а также некоторые реминисценции с комплексами эпохи бронзы. Последние выражены в устройстве каменной «платформы» в основании наземного сооружения, встречающейся в курганах монгун-тайгинской культуры [Грач, 1971, с. 95], кроме того – в орнаменте на костяных изделиях из могил 2 и 4. Ломаные заштрихованные полосы и прямоугольники, расположенные в шахматном порядке – наиболее характерный орнамент на керамике бегазы-дандыбаевской культуры. Участие ее традиций в формировании культуры ранних кочевников неоднократно отмечалось [Исмагил, 1998, с. 6; Чугунов, 2002, с. 146 - 149]. Курган 1 могильника Сарыг-Булун, в котором найден аналогичный гребень, должен также датироваться ранним этапом алды-бельской культуры, что было показано на основании типологического анализа наконечников стрел [Чугунов, 2000, с. 223]. Выше упоминались аналогии костяным подвескам из могилы 4 в кургане с радиальными «лучами» могильника Бош-Даг – памятнике, сохранившем традицию херексуров.

Курганы 3 и 4 могильника Копто близки по устройству наземного сооружения, но различаются по внутренней планировке. Между тем, линейная структура расположения могил наиболее позднего кургана аналогична планировке кургана на р. Ий. Поскольку последний памятник содержал достаточно архаичный материальный комплекс, нет оснований относить и курган 4 к завершающему этапу культуры. Материалы кургана 3, занимающего промежуточное положение в стратифицированном комплексе, имеют параллели в инвентаре раннего комплекса. В целом, вопрос о датировке последних двух курганов могильника может быть оставлен открытым – в рамках алды-бельской культуры. Можно предположить, что абсолютная дата их располагается в пределах конца VII – VI вв. до н.э.

В заключении рассмотрим еще одну независимую линию соответствий в материалах

соседних регионов. Еще одна возможность синхронизации памятников Центральной Азии и Южной Сибири появилась благодаря работе С.В. Хаврина по анализу химического состава изделий из медных сплавов памятников скифского времени Саяно-Алтая [Хаврин, 2002, с. 70, 71]. Его исследования показали, что основным типом металла кургана Аржан-1 и подгорновских изделий является мышьяковистая медь, а в памятниках раннескифского времени Алтая, алды-бельской культуры Тувы и сарагашенского этапа Хакасии – оловянистая бронза. Вероятно, в VII в. до н.э. – времени появления и формирования в Центральной Азии алды-бельской культуры – в металлургии ранних кочевников возобладала традиция суперстратного населения, подкрепленные тесными контактами с исходной территорией Казахстана, богатого оловом. В конце VI – начале V вв. до н.э. с появлением носителей саглыньских и пазырыкских традиций в Туве и на Алтае количество изделий с лигатурой оловом резко сокращается. На территорию тагарской культуры эти инновации, по-видимому, почти не проникают. В позднесарагашенских памятниках продолжается развитие традиций раннескифского времени, что отражается в консервативности материальной культуры и искусства, постепенном развитии погребального обряда, кардинально изменившегося уже только в тесинское время.

Таким образом, на основании сопоставлений археологического материала, данных по химическому составу металла, радиоуглеродных определений, можно заключить, что аржанский этап эпохи ранних кочевников Тувы синхронен подгорновскому этапу тагарской культуры. Алды-бельская культура появилась, вероятно, в конце подгорновского этапа и существовала параллельно с раннесарагашенским населением Среднего Енисея.

Исследование выполнено в рамках проекта INTAS, № 03-51-4445
и проекта РГНФ, № 03-01-00099а.

Литература.

- Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Ван Гил Б., Лебедева Л.М., Семенцов А.А. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея. // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга 2. Сборник материалов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П.Грязнова. СПб, 2002. С. 19 – 22.
- Виноградов А.В. Памятник алды-бельской культуры в Туве. // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 60 – 64.
- Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы. // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл, 1971. С. 93 – 106.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М, 1980.
- Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Дэвлет М.А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии. // Археологические памятники раннего железного века. Краткие сообщения Института археологии. Вып. 107. М, 1966.
- Дэвлет М.А. Археологические раскопки в Тодже в 1970 году. // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл, 1971. С. 250 – 263.
- Дэвлет М.А. Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 119 – 127.
- Дэвлет М.А. Об изображении серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже. // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Сборник статей памяти В.В. Волкова. М., 2004. С. 22 – 50.
- Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Л., 1983.
- Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., ван дер Плихт Й., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ. // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб, 1997. с. 36 – 44.
- Исмагил Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели. // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа, 1998.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы. // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.
- Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Мачинский Д.А., Чугунов К.В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты). // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб, 1998. С.183 – 188.
- Минасян Р.С. Данные о технике изготовления вещей из меди, золота и серебра из могильника Копто. // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л.Подольского. СПб, 2000. С. 65 – 69.
- Савинов Д.Г. Тува раннескифского времени "на перекрестке" культурных традиций (алды-бельская культура). // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб, 1994.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб, 1994а.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культуригенез). СПб, 2002.
- Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб, 1992.
- Семенов Вл.А. Тува в эпоху переселения народов (начальный этап). // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл, 1995.
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е. Новые памятники раннего железного века в Туве. // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 17. М, 1990. С. 36 – 47.
- Семенов Вл.А. Могильник Сыпучий Яр – новый памятник алды-бельской культуры на

правобережье Улуг-Хема. // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб, 1997. С. 31 – 33.

Семенов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994-1995 гг.). СПб, 1997а. 48 с.

Семенов Вл.А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве. // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб, 2001. С.167 – 172.

Субботин А.В. Предварительный анализ периодизаций тагарской культуры. // Южная Сибирь в древности. СПб, 1995. С. 136 – 142.

Хаврин С.В. Металлургия Саяно-Алтая скифского времени. // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб, 2002. С. 70, 71.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997.

Чугунов К.В. Периодизация алды-бельской культуры Тувы и ее финальный этап. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С.234 – 237.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы. // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л.Подольского. СПб, 2000. С.213 – 238.

Чугунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Сборник научных работ под ред. Ю.Ф.Кирюшина и А.А.Тишкина. Барнаул, 2002 г. С. 142 – 149.

К.В.Чугунов. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Книга 1. Сборник научных трудов под ред. Ю.Ф.Кирюшина и А.А.Тишкина. Изд. АГУ, Барнаул, 2003. С.386 – 395.

Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 году). Археология, этнография и антропология Евразии. 2, 2002. С.115 – 124.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть 4-а. Барнаул, 2003.

Шульга П.И., Демин М.А., Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф. Работы в долине реки Сентелек. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып.13. Барнаул, 2003. С. 126 – 132.

Čugunov K.V. Der skythenzeitliche Kulturwandel in Tuva. // Eurasia Antiqua. Band 4. Mainz am Rhein, 1998. С.273-308.

Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archaeological data. // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Ed. M.Scott, A.Alekseev and G.Zaitseva. NATO Science Series IV. Earth and Environmental Sciences – Vol. 42. Dordrecht, Boston, London 2004. P. 1-7

Chugunov K.V., Dergachev V.A., Nagler A., Parzinger G., Possnert G., Sementsov A.A., Scott E.M., van Geel B., van der Plicht J., Zaitseva G.I. 2002. First chronological data for the unique tzar burial mound Arzhan-2 in Tuva, Central Asia. // Proceeding of the International Conference "Radiocarbon and Archaeology", Oxford, March, 2002.

Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. 14C dating of the Siberian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian Taim. // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Ed. M.Scott, A.Alekseev and G.Zaitseva. NATO Science Series IV. Earth and Environmental Sciences – Vol. 42. Dordrecht, Boston, London 2004. P. 83 – 89.

Van der Plicht J. Radiocarbon, the calibration curve and Scythian chronology. // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Ed. M.Scott, A.Alekseev and G.Zaitseva. NATO Science Series IV. Earth and Environmental Sciences – Vol. 42. Dordrecht, Boston, London 2004. P. 45 – 61.

Kilunovskaya M., Semenov V. The land in the heart of Asia. SPb, 1995.

Zaitseva G.I., Bokovenko N.A., Sementsov A.A., Possnert G., Chugunov K.V. Some Questions on the Radiocarbon Chronology of the Scythian Taim Monuments in the Central Asian Steppe Zone of Russia (Southern Siberia and Tuva Republic). // Actes du colloque "14C Archéologie", Lyon, 1998. P.311 – 314.

Иллюстрации

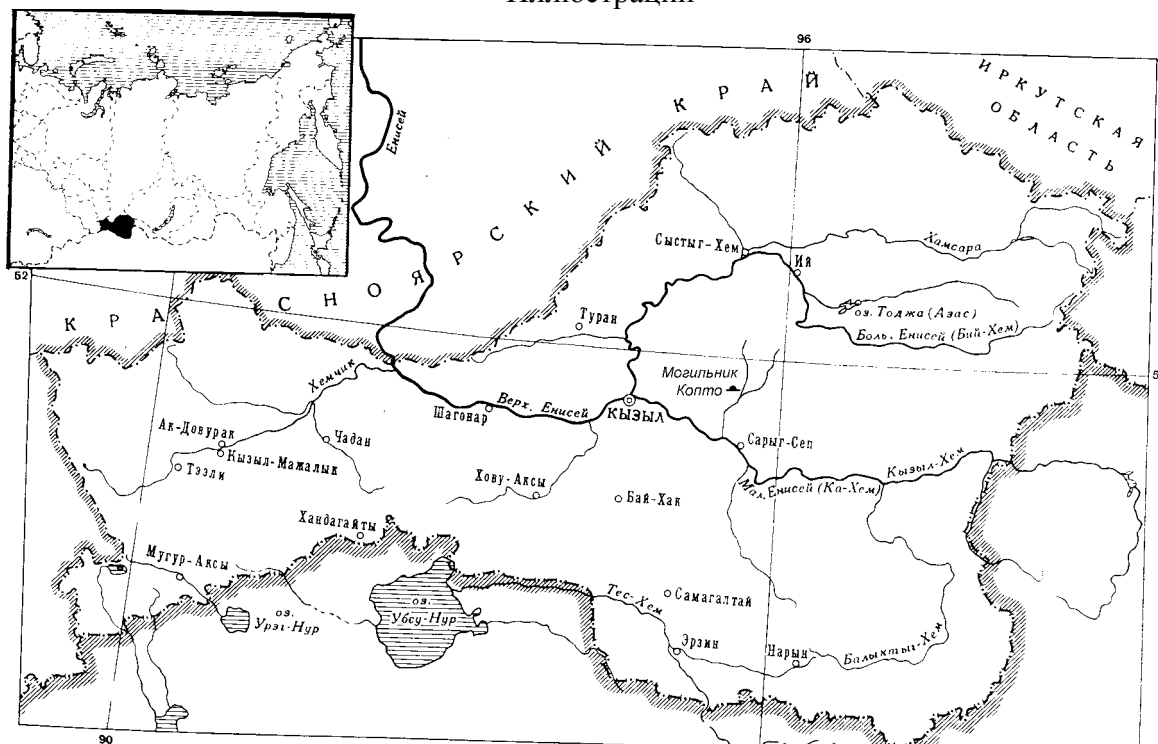

Рис. 1 Местоположение могильника Копто.

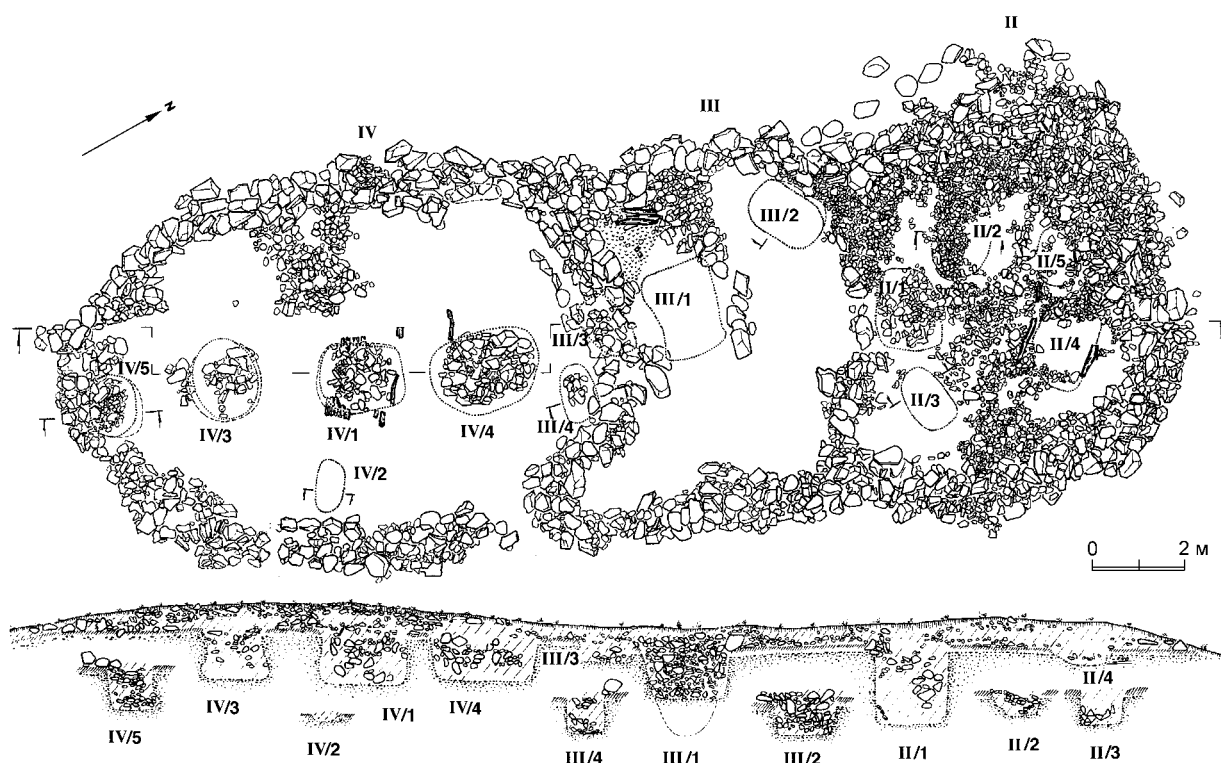

Рис. 2 Комплекс курганов могильника Копто. План и разрез. Разрезы могил. Римская цифра - № кургана / арабская цифра - № могилы

Рис. 2а Комплекс курганов могильника Копто. Фото с северо-востока

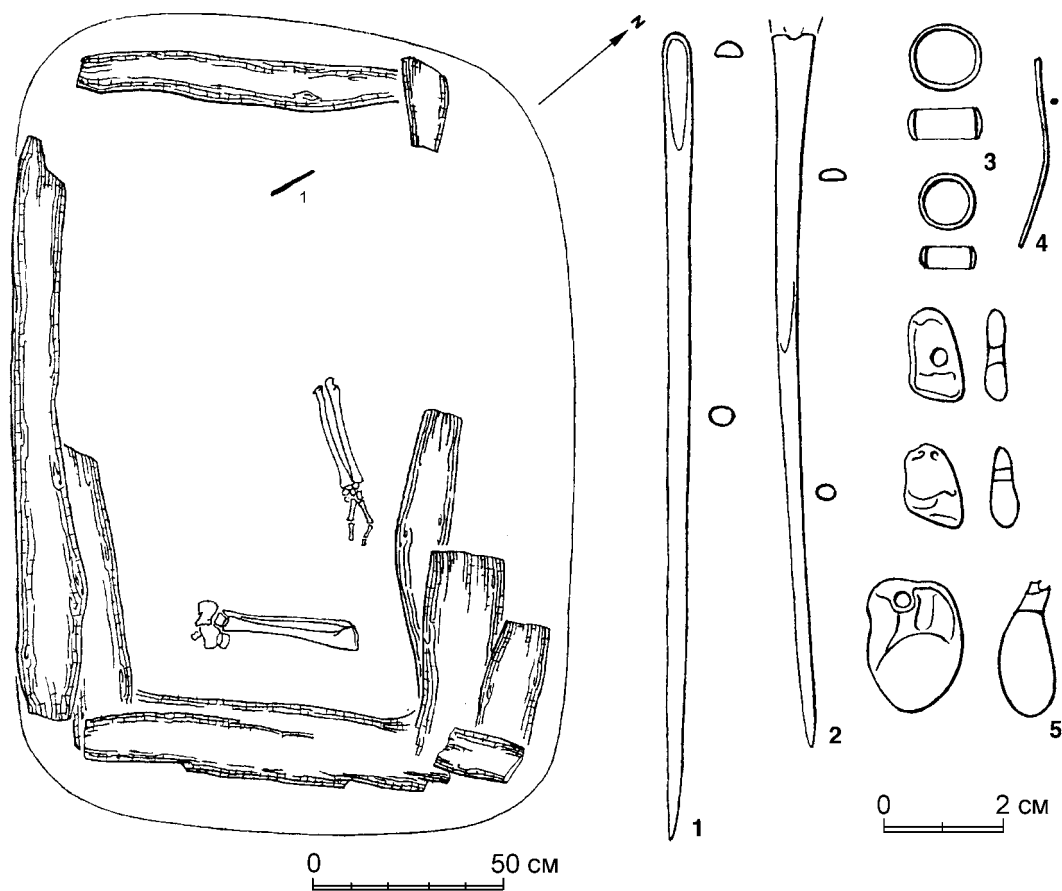

Рис. 3 Курган 2, могила 1. План и находки. 1,2 – шпильки (кость); 3,4 – обоймы (бронза); 5 – подвески из зубов марала.
Здесь и далее – цифры на плане соответствуют номерам находок на рисунке.

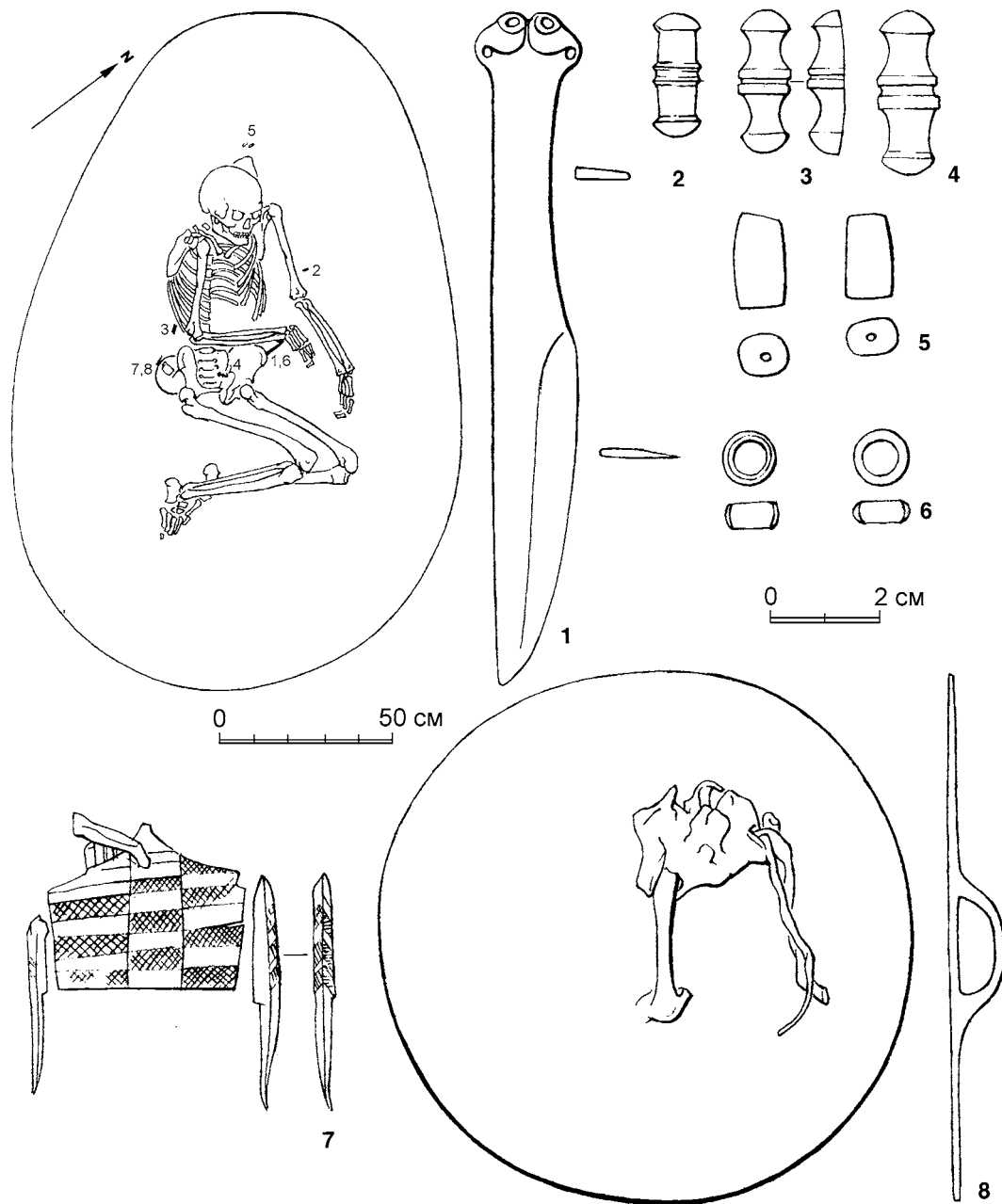

Рис. 4 Курган 2, могила 2. План и находки. 1 – нож (бронза); 2 – 4 – застёжки (кальцит); 5 – бусы (бирюза); 6 – обоймы (бронза); 7 – гребень (кость); 8 – зеркало с фрагментом ремня (бронза и кожа).

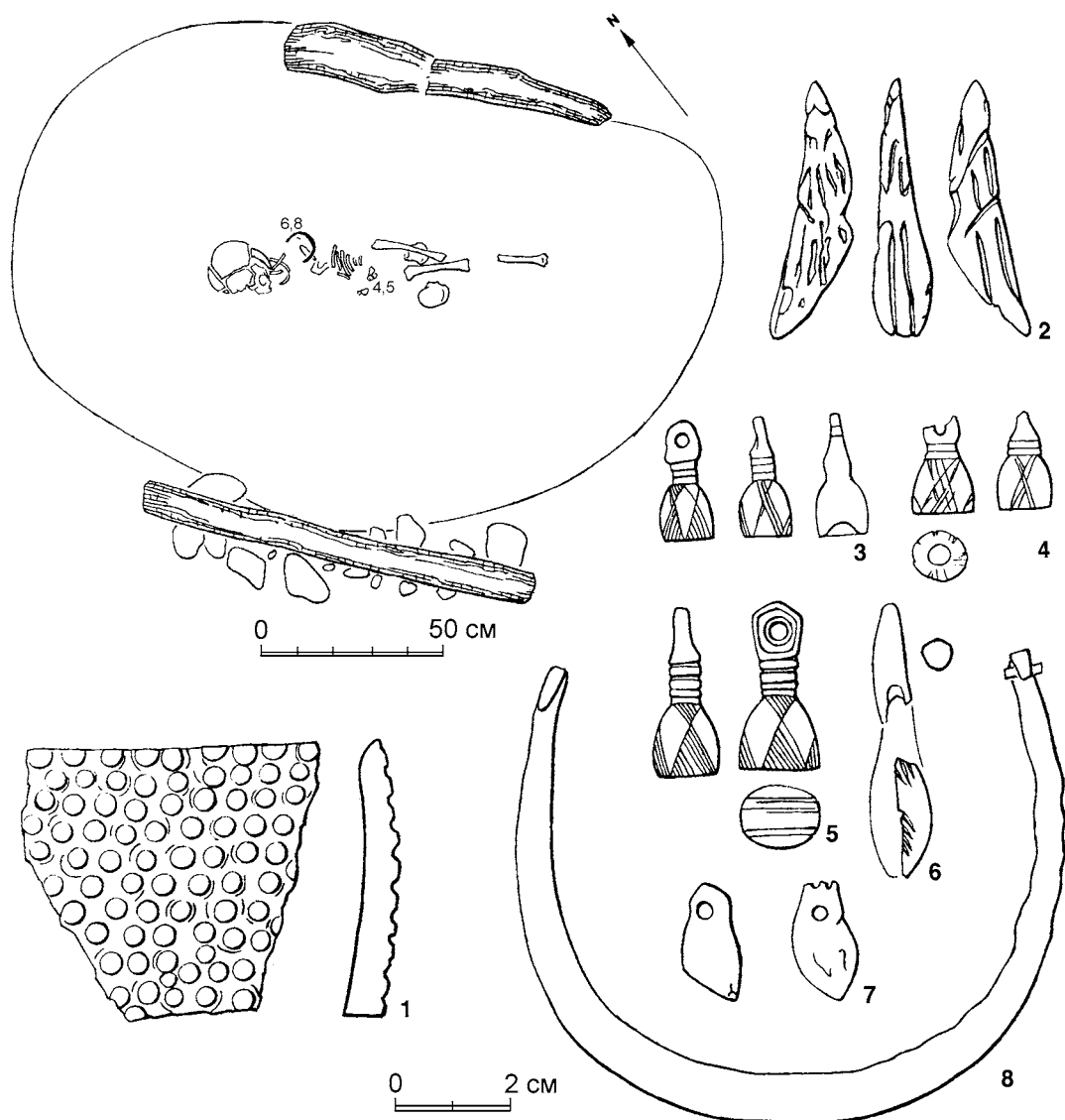

Рис. 5 Курган 2, могила 4. План и находки. 2 – 6 – орнаментированные подвески (кость); 7 – подвески из зубов марала; 8 – пектораль (бронза). 1 – фрагмент венчика сосуда с площади кургана между могилами 1 и 3.

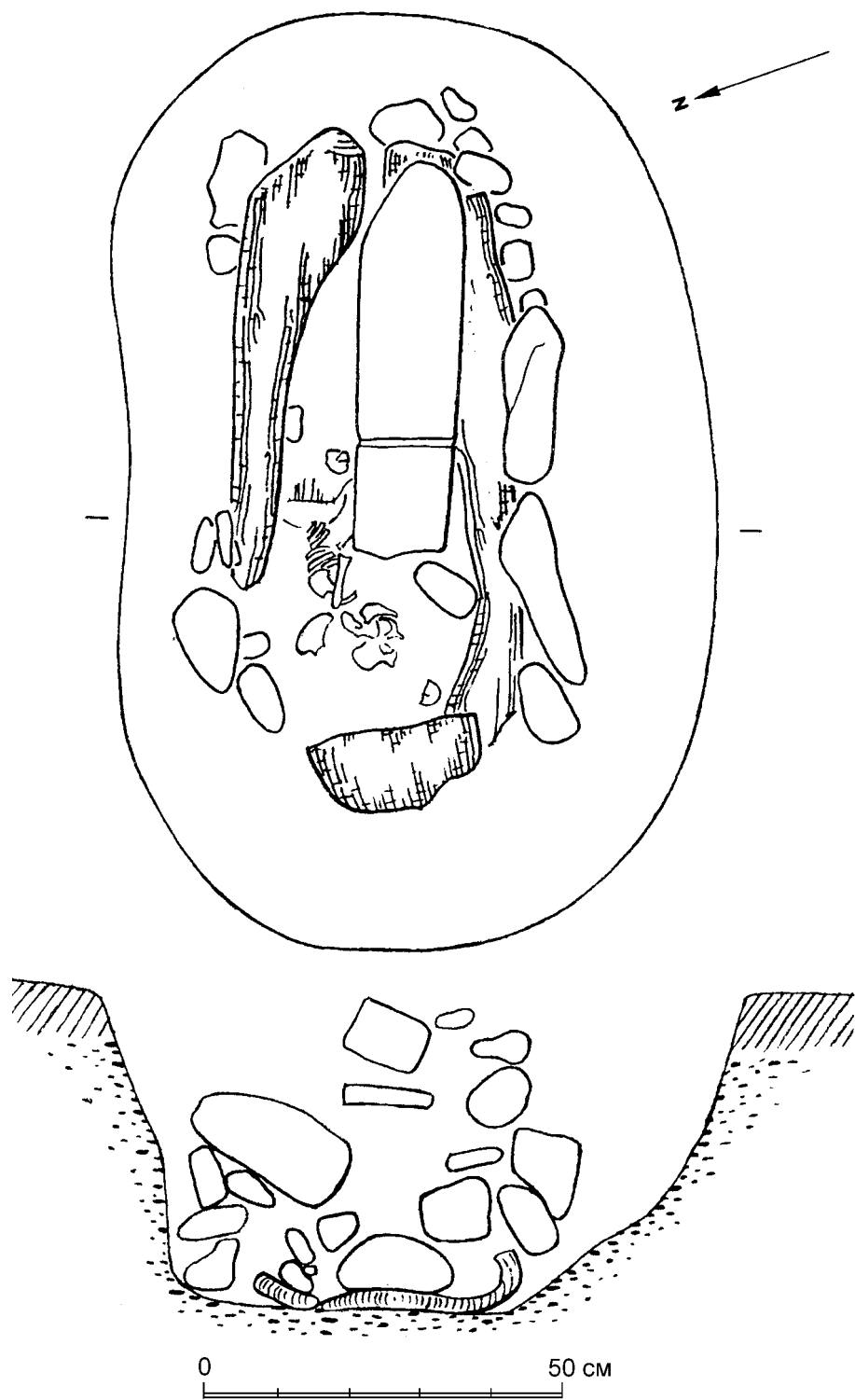

Рис. 6 Курган 2, могила 5. План и разрез.

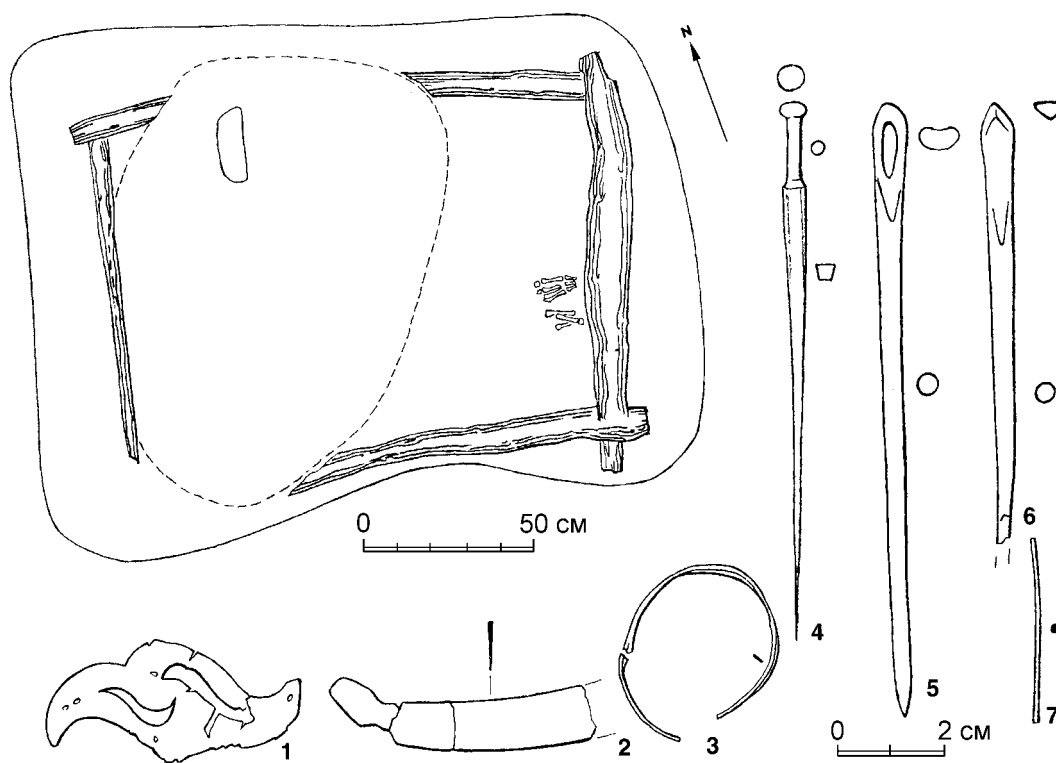

Рис. 7 Курган 3, могила 1. План и находки. 1 – фигурная нашивка (олово); 2 – фрагмент пекторали (бронза); 3 – плоское кольцо (золото); 4 – шило (бронза); 5,6 – шпильки (кость); 7 – бронзовый стержень (игла ?).

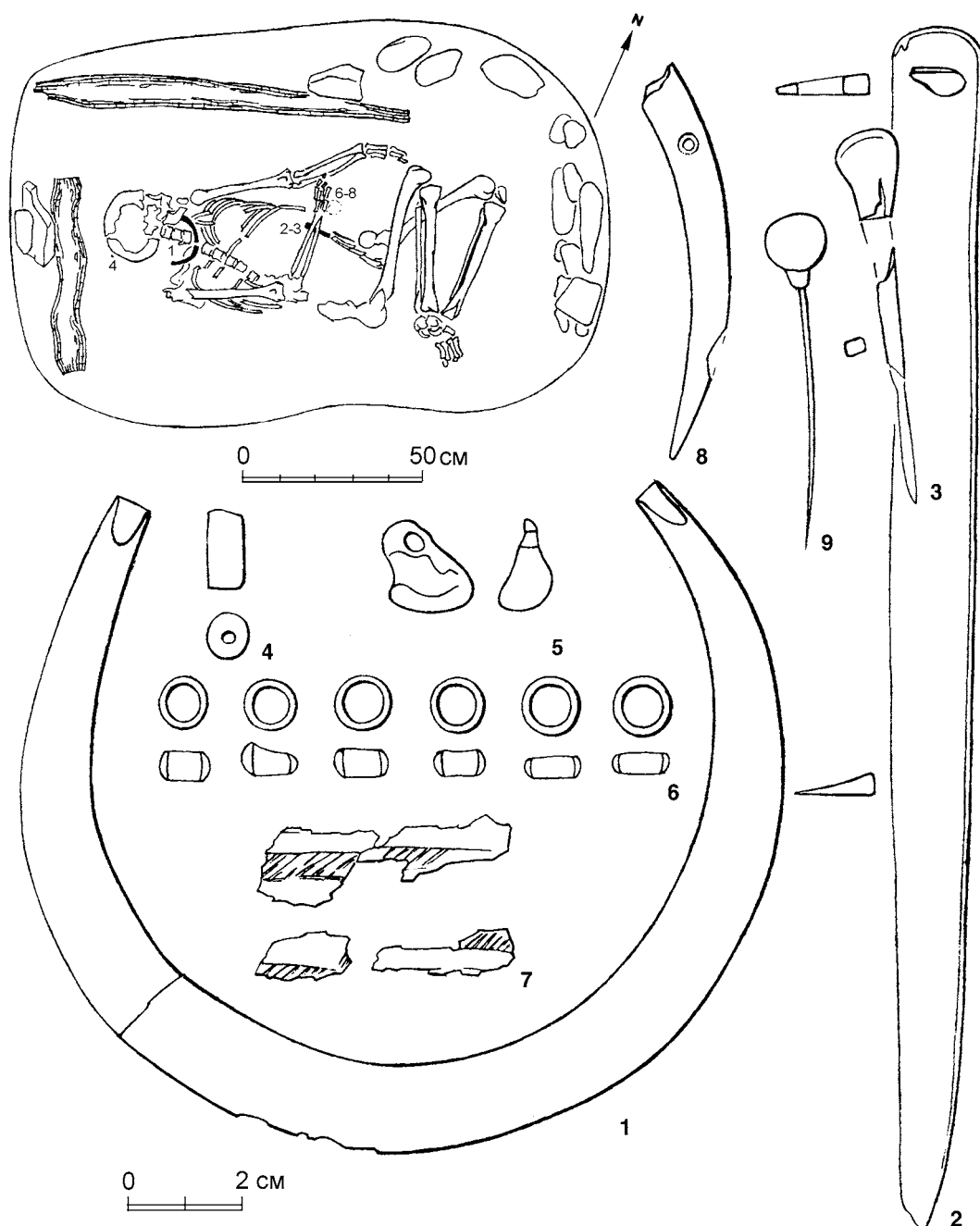

Рис. 8 Курган 3, могила 2. План и находки. 1 – пектораль (бронза); 2 – нож (бронза); 3 – шило (железо, кость); 4 – бусина (бирюза); 5 – подвеска из зуба марала; 6 – обоймы (бронза); 7 – фрагменты орнаментированных пластин (кость), 8 – шпилька с навершием (бронза – стержень, железо - навершие).

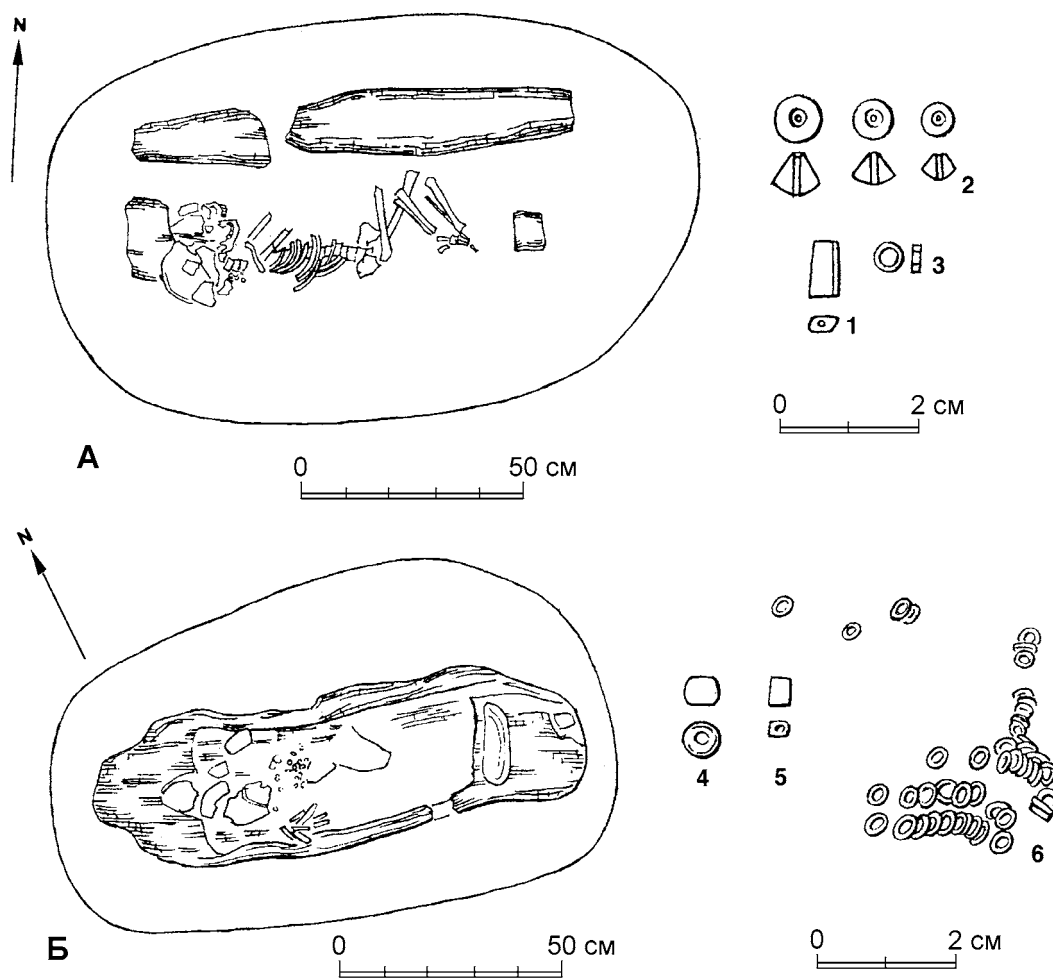

Рис. 9 Курган 3, могилы 3 (А) и 4 (Б). Планы и находки. 1 – бусина (бирюза); 2 – бусы (стекло); 3 – бисер (стекловидная масса); 4 – бусина (сердолик); 5 – бусина (бирюза); 6 – бисер (стекловидная масса).

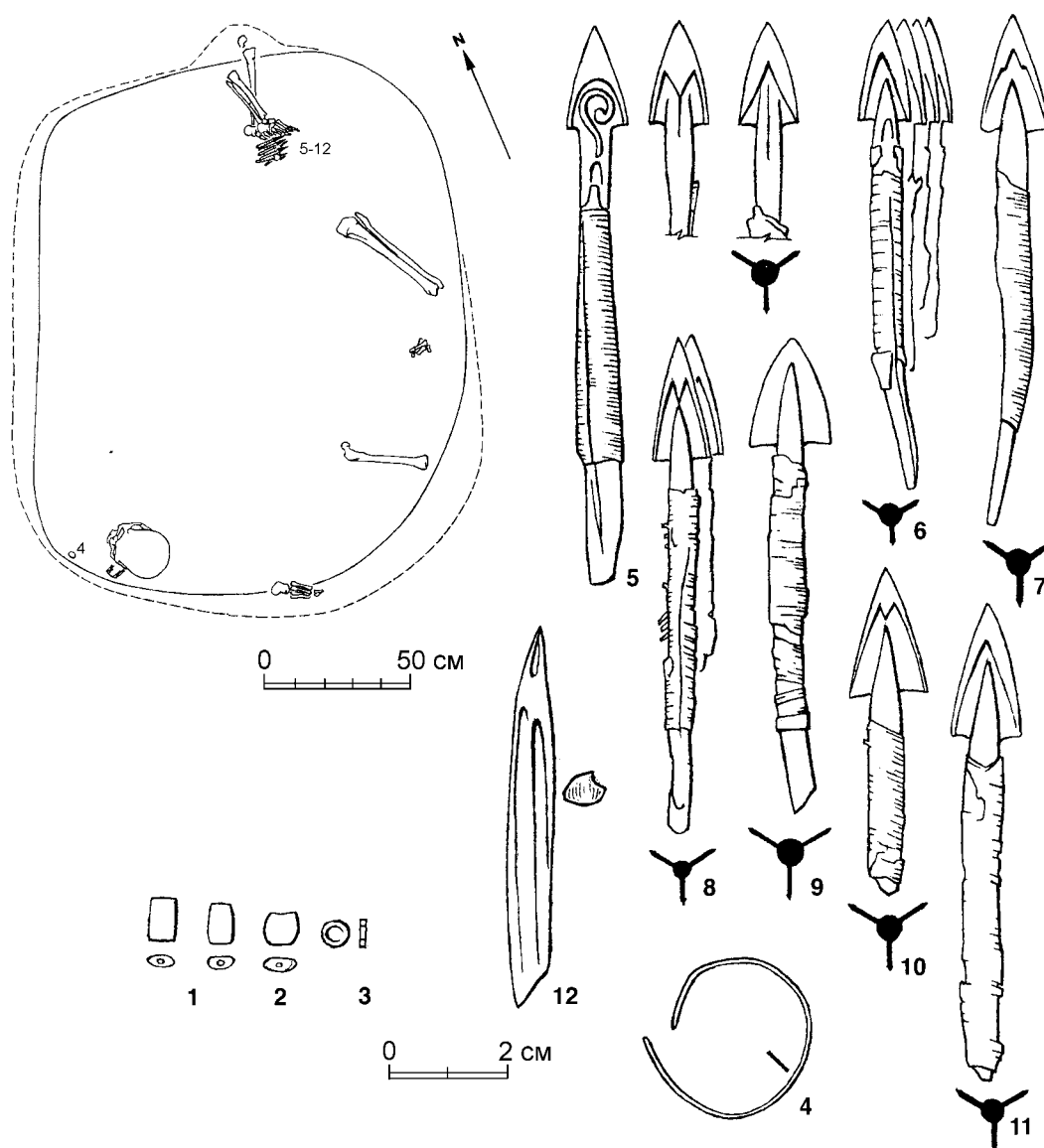

Рис. 10 Курган 4, могила 1. План и находки. 1,2 – бусы (бирюза); 3 – бисер (стекловидная масса); 4 – плоское кольцо (золото); 5 – 11 – наконечники стрел (бронза); 12 – деревянный наконечник стрелы.

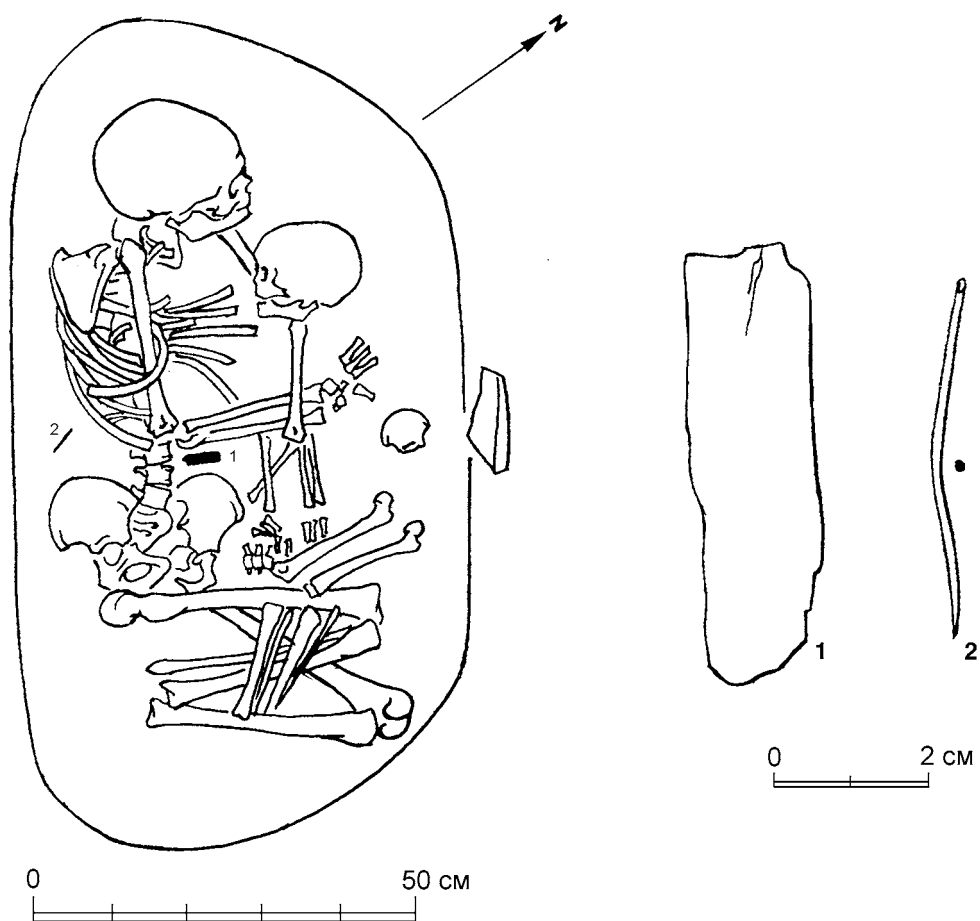

Рис. 11 Курган 4, могила 2. План и находки. 1 – костяная пластина; 2 – бронзовая игла.

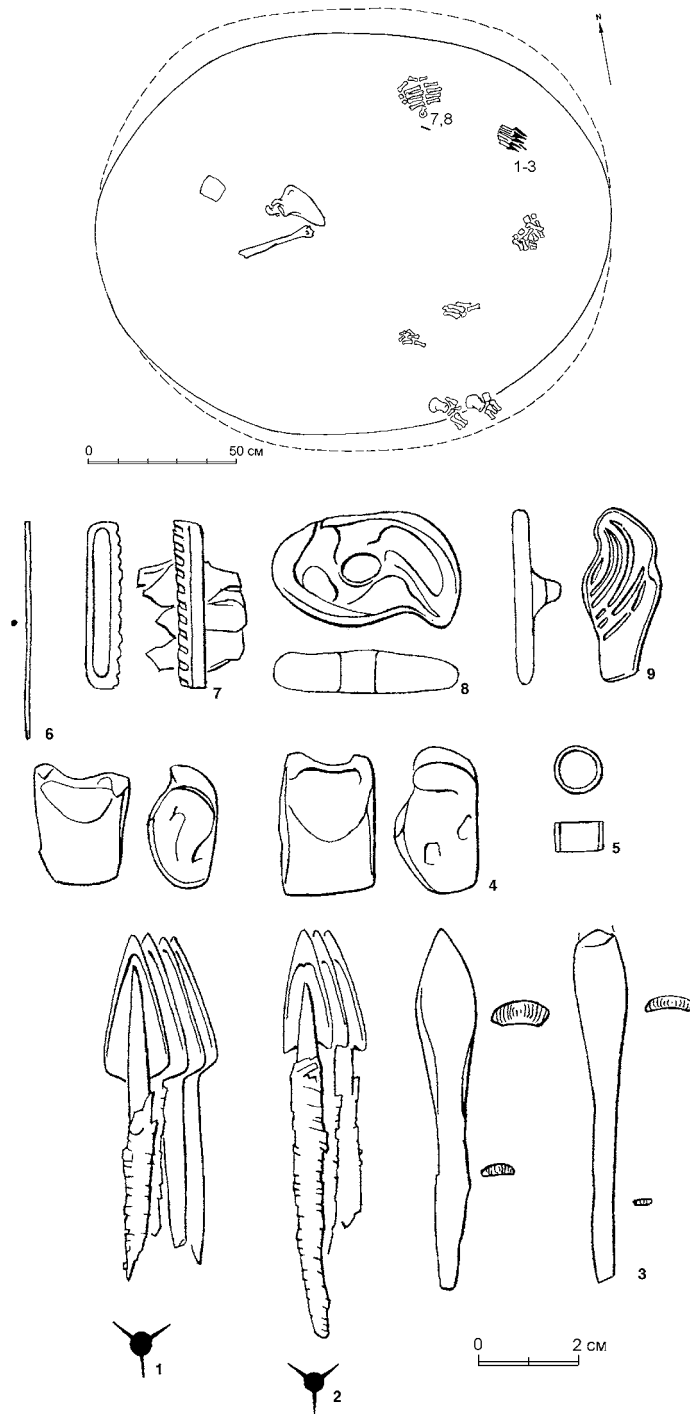

Рис. 12 Курган 4, могила 3. План и находки. 1,2 – наконечники стрел (бронза); 3 – наконечники стрел (дерево); 4 – обточенные астрагалы овцы; 5 – обойма (бронза); 6 – игла (бронза); 7 – обойма с фрагментом ремня (бронза и кожа); 8 – изделие из астрагала (кость); фигурная бляшка (бронза).

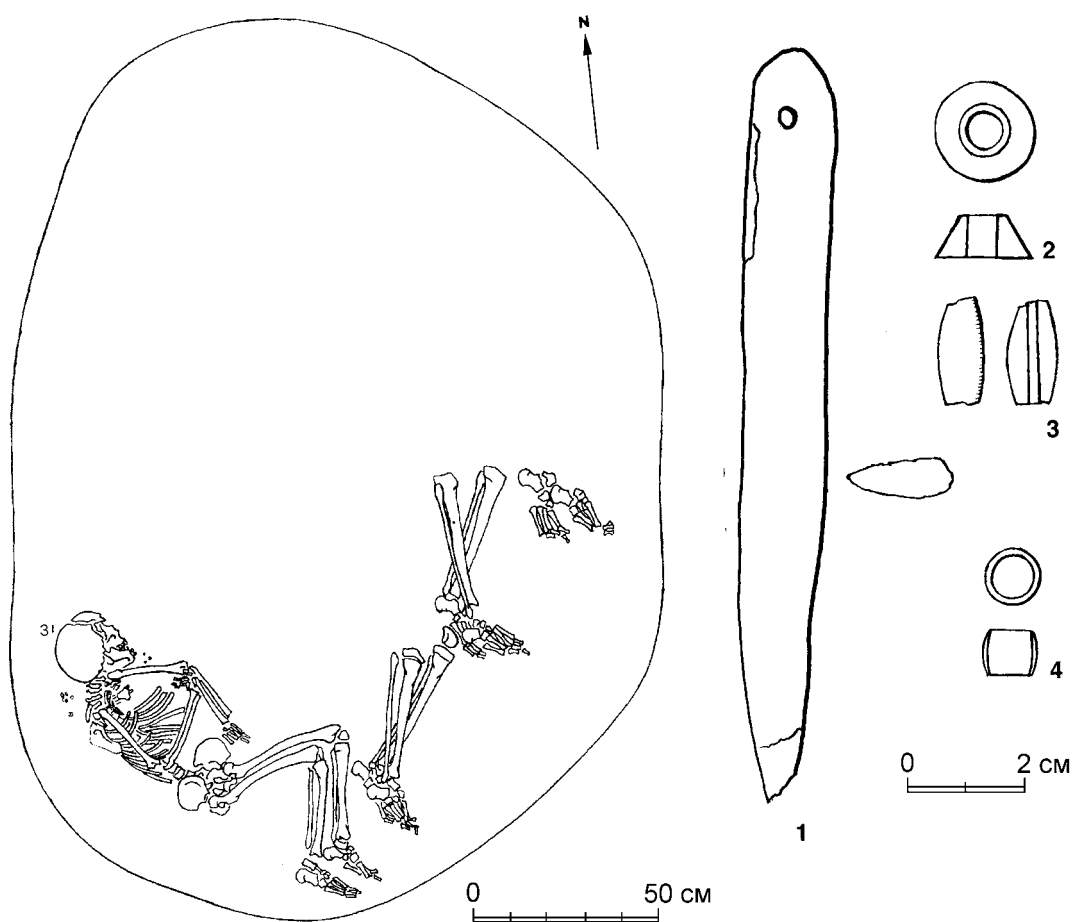

Рис. 13 Курган 4, могила 4. План и находки. 1 – нож (железо); 2 – ворворка (кость); 3 – бусина (бирюза); 4 – обойма (бронза).

Рис. 14 Костяные детали гребня из могилы 2 кургана 2

Рис. 15 Подвески из могилы 4 кургана 2